

<https://doi.org/10.22363/2313-2302-2023-27-2-372-389>
EDN: IWEZPJ

Научная статья / Research Article

«Поучение» Владимира Мономаха как синтез этических традиций византийской патристики и национального язычества

А.А. Волкова

Российский университет дружбы народов,
Российская Федерация, Москва, 117198, ул. Миклухо-Маклая, д. 6
 dead-ligea@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена этическим воззрениям Владимира Мономаха, нашедшим свое отражение в «Поучении» великого князя. Рассмотрены и проанализированы размышления автора, касающиеся таких фундаментальных морально-нравственных категорий, как добро и зло, добродетель и порок, смысл жизни и смерти, свобода воли, долг, счастье. Обнаружена частичная преемственность взглядов Владимира Всеволодовича, касающихся отношения к категориям добра и зла, а также добродетели и порока, с византийской духовной традицией, в частности относительно «теории трех малых дел», за основу которой взята теория покаяния Иоанна Златоуста, и теории «подвижничества в миру», опирающейся на сочинения Василия Великого. Выявлено, что этические воззрения великого князя не укладываются в строгую парадигму христианской средневековой философии и богословия. В связи с этим обращено внимание на синкретический характер мировоззрения автора «Поучения», выраженный в своеобразном мировосприятии, сочетающим христианские и дохристианские верования. В этом ключе проанализировано специфическое понимание проблем смысла жизни, смерти, счастья Владимиром Мономахом, которое обнаруживается при рассмотрении своеобразного отношения автора «Поучения» к сакральным обрядам молитвы и погребения. Исследованы воззрения автора относительно категории долга в общечеловеческом и государственном плане, а также принципы практического поведения. Вывод: произведение великого князя представляет собой этический трактат малой формы, идейное содержание которого в полной мере отражает морально-нравственную концепцию бытия древнерусского человека.

Ключевые слова: восточная патристика, философия Византии, философия Древней Руси, язычество Древней Руси, этика

Информация о финансировании и благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00050. Режим доступа: <https://rscf.ru/project/22-18-00050/>.

© Волкова А.А., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

История статьи:

Статья поступила 26.12.2022

Статья принята к публикации 17.02.2023

Для цитирования: Волкова А.А. «Поучение» Владимира Мономаха как синтез этических традиций византийской патристики и национального язычества // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2023. Т. 27. № 2. С. 372—389. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2023-27-2-372-389>

“Teaching” of Vladimir Monomakh as Synthesis of Ethical Traditions Byzantine Patristics and National Paganism

A.A. Volkova

RUDN University,
6, Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation
 dead-ligeya@mail.ru

Abstract. The research is devoted to the ethical views of Vladimir Monomakh, reflected in the “Teaching” of the Grand Duke. The author’s reflections concerning such fundamental moral categories as good and evil, virtue and vice, the meaning of life and death, free will, duty, happiness are considered and analyzed. A partial continuity of the Grand Duke’s views concerning the relationship to the categories of good and evil, as well as virtue and vice, with the Byzantine Christian tradition, in particular with regard to the “theory of three small deeds”, which is based on the theory of repentance of John Chrysostom, and the theory of “asceticism in the world”, based on the writings of Basil the Great. It is revealed that the ethical views of the Grand Duke do not fit into the strict paradigm of Christian medieval philosophy and theology. In this regard, the author of the article draws attention to the syncretic nature of the worldview of the author of the “Teaching”, expressed in a kind of worldview combining Christian and pre-Christian beliefs. In this vein, the specific understanding of the problems of the meaning of life, death, happiness by Vladimir Monomakh is analyzed, which is revealed when considering the peculiar attitude of the author of the “Teaching” to the sacred rites of prayer and burial. The author’s views on the category of duty in the universal and state terms, as well as the principles of practical behavior, are studied. According to the results of the research, the author of the article comes to the conclusion that the work of the Grand Duke is an ethical “micro-treatise”, the ideological content of which fully reflects the moral concept of the existence of the ancient Russian man.

Keywords: eastern patristics, Byzantine philosophy, philosophy of Ancient Russia, paganism of Ancient Russia, ethics

Funding and Acknowledgement of Sources. The work was supported by the Russian Science Foundation (grant № 22-18-00050). Available from: <https://rscf.ru/project/22-18-00050/>.

Article history:

The article was submitted on 26.12.2022

The article was accepted on 17.02.2023

For citation: Volkova AA. “Teaching” of Vladimir Monomakh as Synthesis of Ethical Traditions Byzantine Patristics and National Paganism. *RUDN Journal of Philosophy*. 2023;27(2):372—389. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2023-27-2-372-389>

Введение

«Поучение» Владимира Мономаха — уникальное произведение, отражающее морально-нравственную концепцию бытия древнерусского человека во всей своей многогранности, неординарности и противоречивости, его специфическое восприятие таких фундаментальных для человечества и в особенности для русской философской мысли понятий, как добро и зло, добродетель и порок, смысл жизни, свобода воли, счастье, долг [1. С. 20]. Для исследователя древнерусской философии трактат великого князя — кладезь богатейшей информации о нравах и мировоззрении средневекового человека.

Сочинение Владимира Всеволодовича состоит из трех частей: собственно поучения, рассказа Мономаха о своей жизни и его письма к Олегу Святославичу. Мы в большей степени обратимся к анализу именно поучения, которое в свою очередь имеет сложную многоуровневую структуру, совмещающую компиляцию цитат из Священного писания, Псалтыри и творений свт. Василия Великого с собственными мыслями и идеями великого князя, призванными ответить на сложный этический вопрос: «Как быть хорошим человеком и правителем?». И в этой направленности философского запроса проявляется тесная связь между индивидуально-личностными и государственными интересами, что характерно для античной этики Платона и Аристотеля, ведь нравственность, являясь свойством отдельной личности, выступает одновременно и социально организующей силой. Владимир Мономах не разграничивает личную праведность человека от праведности правителя государства. Как отмечает В.В. Мильков: «Значение Мономаха в истории отечественной мысли состоит в том, что он первым из древнерусских авторов обозначил моральные ограничения для политики. Впервые были выдвинуты требования к самой власти и задавался желательный с точки зрения принятой веры идеал князя-управителя» [2. С. 144]. В «Поучении» звучит политически-идеологическая пропаганда единства Русской земли, характерная для всех произведений Киевской Руси, и идея бескорыстного княжеского служения Родине, однако в большей степени, на наш взгляд, автора интересуют вопросы личностного и общечеловеческого нравственно-антропологического характера.

Добро и зло. Теория «трех малых дел»

Ведущей этической проблемой во все времена был вопрос соотношения добра и зла. Размышляя о нравственном выборе, к ней обращается и наш автор. Мерилом добра для князя Владимира выступает праведность. Формулу праведной жизни он находит в Псалтыри¹:

¹ Отметим, что структурно «Поучение» — сложное, оригинальное и цельное произведение, в котором все части взаимосвязаны между собой и значение имеет не только собственный

«Уклонись от зла, сотвори добро, найди мир и отгони зло, и живи во веки веков» [3].

Однако жизнь так устроена, рассуждает Мономах, что уклоняться от зла бывает крайне сложно, ведь человека окружают разные люди, многие из которых могут стать для него врагами. Именно они мешают «отгонять зло». Интересно, что в святоотеческой литературе понятие врага упоминается крайне часто, но относится это определение к единственному врагу рода человеческого — Дьяволу. Мономах же в данной связи говорит исключительно о людях:

«Помилуй меня, Боже, ибо погряз меня человек; всякий день нападая, теснит меня. Погрязли меня враги мои, ибо много восстающих на меня свыше» [3].

Победить врагов, не применяя насилие, и тем самым заслужить милость Божию возможно не только затворничеством, монашеством, голоданием, но всего тремя малыми делами, предлагает Мономах, — покаянием, слезами и милостыней. На этом важнейшем постулате мы хотели бы остановиться подробнее. В своей теории «трех малых дел» Владимир Мономах намечает путь к праведности в своем собственном понимании. В этом, безусловно, присутствует полемика с древнерусским церковным каноном, ведь не нужно затворяться в монастырь и вести аскетический образ жизни, чтобы заслужить милость Божию, она доступна человеку и в миру. Как отмечает А.Ф. Замалева: «Сохранение пропасти между мирским и «ангельским» в конечном счете привело к тому, что Христос утрачивал значение общечеловеческого пастыря, низводился до уровня монастырского бога» [4. С. 151]. Эта проблема была актуальна во времена правления Мономаха, формирующаяся древнерусская церковь, напрямую зависимая от Византии, была крайне элитарным институтом, признававшим истинную добродетель в крайне узком мистико-аскетическом смысле. Мономах выдвигает новую теорию добродетели — истинным праведником, говорит он, может стать не только монах, но и князь, и обычный человек.

Рецепт Владимира Мономаха необыкновенно прост и мудр. Покаяться значит признаться себе в своих грехах, облечь их в слова, переосмыслить свои поступки и, как следствие, изменить систему взглядов и ценностей. Плач с психологической точки зрения помогает снять нервное напряжение, с сакральной — означает очищение и возрождение. И третий элемент, милостыня в христианстве предполагает проявление свободной воли и милосердия, ведь как говорил свт. Иоанн Златоуст: «Великое дело милостыня. Возлюби ее, которой нет ничего равного, она может и загладить грехи, и избавить от суда. Ты молчишь, — а она стоит и защищает <...> Поплачь с несчастным,

текст произведения, но и цитаты, которые подобраны не случайно, а призваны раскрыть ведущую идею автора.

и получишь награду; ибо награда дается не за вынужденное, но за свободное дело» [5].

Милостыня была крайне популярна на Руси; Мономах в своем «Поучении» говорит о ней как минимум трижды. У нее есть и другое название — пожертвование — это обряд, имеющий глубокие дохристианские корни, предполагает простой ритуал: отдать что-то свое взамен божьей благодати. Милостыня — своего рода принесение малой жертвы, овеществленное милосердие, но и своего рода освобождение от материальных излишеств, нестяжательство, идею которого Мономах так же переносит в светскую сферу.

Отметим, что согласно византийской традиции и об этом подробно повествует Иоанн Златоуст в «Беседах о покаянии», с которыми Мономах был явно знаком, есть четыре пути покаяния: исповедь, оплакивание греха, смирение, милостыня. Владимир Мономах перерабатывает эту теорию в соответствии со своими взглядами. Исповедь он приравнивает к покаянию в целом. Совета посещать церковь для исповеди в его «Поучении» мы не находим, соответственно не можем сделать вывод о том, как в понимании Мономаха должен проходить обряд покаяния: на исповеди у священнослужителя или напрямую перед Господом. Однако в его «теории трех малых дел» отсутствует смирение, которое, по нашему мнению, основанному на анализе текста, как раз выступает целью и оказывается для Мономаха самым сложно достижимым на пути к Богу. Иными словами, для Владимира Мономаха истинная праведность заключается в смирении, терпении и прощении:

«Мы, люди, грешны и смертны, и если кто нам сотворит зло, то мы хотим его поглотить и поскорее пролить его кровь; а Господь наш, владея и жизнью и смертью, согрешения наши превыше голов наших терпит всю нашу жизнь» [3].

Подчеркнем этот наиважнейший вывод, Мономах предлагает целую духовную практику, основанную на христианском вероучении и учитывающую психоэмоциональные особенности человека, — очищение путем осознания, произнесения и переосмысления своих поступков, возрождение новым, освобожденным от всего лишнего и злого, человеком, закрепление этого состояния посредством овеществленного проявления милосердия и любви, иными словами — саморефлексия, катарсис, избавление от ментального и материального груза. Это своего рода идея преобразования отрицательной энергии в положительную внутри отдельно взятого индивида, которая способствует духовному просветлению и достижению некоего состояния нравственной высоты, позволяющей человеку вознестись над мирскими заботами и бедами, освободиться от агрессии и гнева, простить людей, творящих несправедливость. Византийский мыслитель Максим Исповедник отмечал в этом плане: «Плод покаяния есть безстрастие души, безстрастие же — очищение грехов» [6. С. 76]. С одной стороны, предложение Мономаха сходно с теорией «непротивления злу насилием», однако великий князь не предлагает «обращать другую щеку» для удара, он предлагает метод борьбы с внутренними демонами,

практику поиска и нахождения духовного равновесия, позволяющего вместо ответного насилия и мести научиться прощать.

Владимир Мономах на собственном живом примере показывает, как работает эта методика. В письме к Олегу Святославичу он предлагает оппоненту совместное покаяние и примирение, несмотря на то что тот повинен в смерти сына князя Владимира и крестного сына самого Олега — Изяслава Владимировича. Он отказывается от ответного насилия и мести, кается в собственных грехах перед Олегом и сообщает о прощении своего врага даже до его покаяния, подтверждая это цитатой из Священного писания:

«Если не простите прегрешений брату, то и вам не простит Отец ваш небесный» [3].

Смиранный отказ от насилия для Мономаха — главная заповедь христианской добродетели:

«Ни правого, ни виновного не убивайте и не повелевайте убить его; если и будет повинен смерти, то не губите никакой христианской души» [3].

Некоторые исследователи отмечают частичную неискренность великого князя, а именно несоответствие предложенной им доктрины его собственной, в том числе государственной и военной, деятельности [2. С.134—147; 7. С. 101—106, 142—145; 8. С. 238—245]. Подробное описание военных походов князя мы находим в «Рассказе Мономаха о своей жизни», а любая война, в том числе междоусобная, как известно, не обходится без жертв. Убийство степняков-язычников, как и любых иноверцев, воспринималась проявлением ревности к Богу и поощрялась церковью [9]. Как отмечает В.В. Мильков, смерть в бою в Древней Руси расценивалась как Суд Божий, а убийство соперника на войне не считалось убийством по злему умыслу: «Получается, что норма «не убий» применима только к судопроизводству, когда в руках представителей власти находилась и жизнь, и смерть подданных (т.е. душегубство по воле и умыслу)» [2. С. 138]. Кроме того, и это важно, великий князь не говорит, что сам не убивал, он рекомендует своим потомкам не убивать. Таким образом, ставя этическую проблему морального выбора, связанную с определенными мировоззренческими позициями автора, Мономах выступает против умышленного насилия по свободной воле, когда жизнь, смерть и судьба зависят от личного решения человека.

Добродетель. Теория подвижничества

Кроме Священного писания в «Поучении» присутствуют отрывки из святоотеческой литературы, в частности из двух произведений свт. Василия Великого² — «Слова о подвижничестве первое» («О подвижничестве») и «Беседы 13. Побудительной к принятию святого крещения» («Беседы»). Первое произведение Василия Великого, посвященное подвижничеству,

² Подробно об атрибутировании цитат в «Поучении» см.: [10. С. 50—116].

подробно повествует о принципах монашеской жизни. Интересен тот факт, что Владимир Мономах не цитирует полностью текст отца Церкви, а выбирает только те пункты, которые соответствуют в его понимании добродетельной жизни в миру:

«Есть и пить без шума великого, при старых молчать, премудрых слушать, старшим покоряться, с равными и младшими любовь иметь, без лукавства беседа, а побольше разуметь; не свиреповать словом, не хулить в беседе, не смеяться много, стыдиться старших, с нелепыми женщинами не беседовать, глаза держать книзу, а душу ввысь, избегать суеты; не уклоняться учить увлекающихся властью, ни во что ставить всеобщий почет. Если кто из вас может другим принести пользу, от Бога на воздаяние пусть надеется и вечных благ насладится» [3].

Подчеркнем, князь перерабатывает заветы монашеской, аскетической жизни, адаптируя их для обычного человека, создавая тем самым собственную теорию христианской праведности в миру. Неудивителен и выбор самого произведения. Сам Василий Великий называет подвижничество «духовным совершенством» на пути обретения Царства Божьего [11]. Для Мономаха эта духовная деятельность заключалась в подвиге борьбы с собственными страстями и обретением добродетели, но не в условиях затворничества, а в условиях светской княжеской жизни, полной военных походов, государственных проблем, семейных неурядиц и проч. К слову, заметим, что все советы, выписанные Владимиром Мономахом из сочинения Василия Великого, полезны к исполнению всем людям независимо от вероисповедания и рода деятельности и по сей день.

Второй отрывок из «Беседы 13. Побудительной к принятию святого крещения» в идейном смысле логично продолжает и дополняет предыдущий, так как у Василия Великого он претворяется словами: «Воин заносится в списки; подвижник, записавшись, выходит на подвиг <...> Все сие обязан сделать и ты как воин Христов, как подвижник благочестия, имеющий жительство на небесах» [12]. Однако для Мономаха, повторимся, воин Христов — не только инок, но и «любая христианская душа» и, в первую очередь, он сам. Примечательно, что здесь снова автор цитирует отрывок не полностью:

«Научись, верующий человек, быть благочестию свершителем, научись, по евангельскому слову, «очам управлению, языка воздержанию, ума смирению, тела подчинению, гнева подавлению, иметь помыслы чистые, побуждая себя на добрые дела, Господа ради; лишаемый — не мсти, ненавидимый — люби, гонимый — терпи, хулимый — моли, умертви грех» [3].

Великий князь исключает два важных аспекта: «вынуждают у тебя силу — приложи от себя» [12], что, в общем, соответствует «обращению другой щеки» для удара, и «распнись с Христом, всю любовь свою обрати к Господу» [12], что соответствует монашеской аскезе. Таким образом, автор «Поучения», как мы видим из его произведения, против насилия и мести,

однако он также против того, чтобы давать себя в обиду и не вставать на защиту своего достоинства и имущества. Кроме того, из текста мы можем заключить, что Мономах по непониманию или умышленно обходит вниманием христологию Евангелий.

Подытоживая вышесказанное, отметим, что в сочинениях Василия Великого великий князь Владимир Всеволодович искал этические принципы подвижничества, которое понимал по-своему, в отличном от византийской и принятой древнерусской традицией ключе — как подвиг духовного самосовершенствования каждого христианина вне зависимости от принадлежности к церковной деятельности.

Смысл жизни и смерти. Понимание счастья. Признаки языческого и ветхозаветного мировоззрения

В целом, как мы видим, этические воззрения великого князя Владимира Мономаха в той или иной степени соответствуют христианской парадигме морально-нравственных ценностей, характерных для Византии раннего и средневекового периодов. Вечными духовными основами в византийском мировоззрении выступают вера в Бога, любовь к ближнему, опыт духовного поиска, свободная воля, смирение. Однако стоит отметить, что специфика размышлений автора, на наш взгляд, связана, в первую очередь, с древнерусским религиозным синкретизмом, отразившимся в особом мироощущении, отличном от ортодоксально христианского. В тексте «Поучения», несмотря на внушительное количество прямой цитации больших отрывков из Священного писания и византийской патристики, выявляется значительное отступление от догматических норм. Это касается и теории избавления от врагов и грехов тремя малыми делами, и понимания мирского труда как высшего богоугодного мерил [4. С. 127], и, главное, отведения духовенству почетной, но подчиненной роли в отношении к светской власти князя. Можем предположить, что, в первую очередь, это связано с мировоззренческими особенностями. Внимательный анализ текста вскрывает не просто неканоническое восприятие христианской религии, но явный синкретический его характер. Сквозь христианские воззрения, унаследованные из Византии, проступает языческое мироощущение, не просто неизжитое в сознании правящей элиты XII в., но имеющее глубочайшие корни и отражающее национальную индивидуальность. Отметим, что христианству на Руси во время написания произведения было еще менее 150 лет, из чего логично вытекает довод Б.А. Рыбакова о том, что «новые комплексы представлений не вытесняли полностью старых, а наслаивались на них, сосуществовали с ними» [13. С. 2].

Наличие дохристианских мировоззрений автора прослеживается в связи с двумя наиважнейшими сакральными ритуалами: молитвой и похоронным обрядом, отношение к которым открывает специфическое отношение автора к смыслу жизни, смерти и счастью.

Великий князь замыслил написание своего поучения «на дальнем пути, да на саях сидя», что означает в старости, перед смертью. Фразеологизм, ныне не употребляемый, отражает языческую традицию похоронного обряда, когда тело усопшего к месту его погребения везли на саях. Как отмечает Т.Д. Панова, этот обряд проводился не только зимой, но и летом, и сохранился вплоть до второй половины XIX в. [14].

Тема смерти вообще очень важна для автора, она выступает центральной в его произведении и переплетается с темой смысла жизни. Как мы отметили выше, Мономах задумал написание своего «Почучения» в преклонном для своего времени возрасте. Автор переосмысливает свою жизнь и пытается привести ее какому-то единому знаменателю, оставить важный след для потомков. Жизнь коротка и мимолетна, говорит автор, и принадлежит Господу. Поэтому гордыню он признает величайшим грехом:

«Паче же всего гордости не имейте в сердце и в уме, но скажем: смертны мы, сегодня живы, а завтра в гробу; все это, что ты нам дал, не наше, но твое, поручил нам это на немного дней. И в земле ничего не сохраняйте, это нам великий грех³» [3].

Этот отрывок принято интерпретировать с точки зрения отношения к материальным благам, в этом же ключе сделан перевод. Однако на наш взгляд, Мономах словами «все это, что ты нам дал» говорит не о богатстве, а о главном человеческом даре — жизни и всех благах, которые ей сопутствуют. Слова Мономаха о скоротечности жизни удивительно созвучны с рассуждениями, представленными в «Палее Толковой» и приписываемыми Иоанну Златоусту: «Сегодня мы есть а завтра нас нет; сегодня мы живем славно, а завтра в гробе бесславном <...> Все суета, что ни есть в жизни человека: она засыхает, как цветок, и отлетает, как обманчивый сон. Какая бы слава ни казалась на земле неизменной — смерть в одночасье все разрушает. <...> Эта жизнь человека есть дым; словно пар, пепел и пыль, она ненадолго показывается людям и быстро исчезает⁴» [15. С. 485—486]. «Все суета» и «жизнь человеческая есть дым» перефразирует ветхозаветную книгу Екклесиаста в его размышлениях о смысле жизни: «Суета сует, сказал Екклесиаст, суета сует, — все суета!» (Ек. 1:2). Вместе с тем одной из важнейших интенций, высказанных в книге Екклесиаста, является идея нахождения счастья и радости жизни в самой жизни, дарованной Господом. И, поскольку жизнь

³ В оригинале: «И в земли не хороните, то ны есть великъ грѣхъ» [3].

⁴ Вызывает сомнение принадлежность этого отрывка Иоанну Златоусту. Как отмечают многие исследователи, Златоуст на Руси был одним из любимейших византийских авторов и, пожалуй, самым цитируемым. Однако не все слова, приписываемые византийскому автору, принадлежат ему на самом деле. Примечательно, что в его утешительных сочинениях, посвященных умершим, позиция относительно смерти высказывается достаточно четко: не стоит печалиться о смерти, в том числе родных, не стоит их оплакивать — если человек вел праведный образ жизни, его ждет Воскресение и жизнь вечная. Подробно см.: [16]. Поэтому точное атрибутирование данного отрывка — задача отдельного исследования.

настолько скоротечна и суетна, не стоит забывать радоваться каждому ее дню и благодарить за это Бога. Эта мысль звучит и в «Поучении» Мономаха, но с еще большей благодарностью — радоваться нужно не только самой жизни, но и всему, чем Господь наградил нас, удивляться и радоваться чуду и красоте созданного мира:

«Ибо кто не восхвалит и не прославит силу твою и твоих великих чудес и благ, устроенных на этом свете <...> Велика, Господи, милость твоя к нам, так как блага эти сотворил ты ради человека грешного» [3].

Таким образом, для Мономаха смысл человеческой жизни и счастья выражен скорее в дохристианском (ветхозаветном или языческом) ключе — в самой жизни.

Но вернемся к нашему отрывку. Нас интересуют слова: «И в земли не хороните⁵, то ны есть великъ грѣхъ» [3]. Если Мономах в этом отрывке говорит не о богатстве, а о жизни, то логично, что эти слова относятся не к закапыванию кладов, а к погребальному обряду. Если допустить, что Владимир Мономах придерживался какой-то части языческих взглядов и обрядов, то такому наиважнейшему для дохристианской эпохи ритуалу, как погребение и переход в иной мир, он не мог не уделить должного внимания. Весьма подробное и крайне примечательное для нас описание ритуала мы находим в «Повести временных лет»:

«И если кто умирал, то устраивали по нем тризну, а затем делали большую колоду и возлагали на эту колоду мертвеца и сжигали, а после, собрав кости, вкладывали их в небольшой сосуд и ставили на столбах по дорогам...» [17].

Таким образом, славяне не закапывали усопших непосредственно в землю. После сожжения прах собирали в урну (домовину), которую помещали в специально сооруженную конструкцию из четырех столбов, засыпаемую землей — получался курган, но курган — это надземное захоронение.

⁵ По данным исследователей слово «хоронить» переводят в смысле «хранить» вследствие отсутствия его употребления в значении «погребать» в ранних памятниках письменности. Закрепление за ним значения «предавать покойника земле», по данным исследователей закрепилось лишь XVI веке. Подробно см.: [18. С. 213—215]. Однако, анализируя «Повесть временных лет», обнаруживается синонимичное употребление слов «хоронить», «погребать», «класть тело», встречается даже неполногласная форма «похранить». Ср.: погребение княгини Ольги: «И бѣ заповѣдала Олга не творити тризны над собою, бѣ бо имущи прозвучера, и тѣ похорони блажену Олгу» [17]; погребение Феодосия Печерского: «Бѣ же Федосий заповѣдалъ братѣи положити ся в пещерѣ, идѣже показа труды многи, и рекъ сице: «В нощи похраните тѣло мое», якоже и створиша» [17]. Полисемантические полногласная и неполногласная формы «хоронить» и «хранить» употребляются в равной степени и в значении «прятать, сберечь», и в смысле «погребать». Обряд захоронения в землю пришел на Русь вместе с христианством, а укоренился намного позднее. Таким образом, предостережение Владимира Мономаха кажется вполне уместным, так как христианизация Руси уже велась, значит, оказывалось влияние на погребальный обряд, против которого выступали широкие слои населения.

Курганные захоронения, имитировавшие жилой дом, существовали в России вплоть до XVIII века [19. С. 120—148]. Известно также, что на Руси к X веку уже существовали захоронения способом труположения, зачастую с частичным сожжением [14; 20. С. 80—106]. Однако Панова отмечает важный аспект совершения обряда очищения огнем: яму перед захоронением либо выжигали, либо засыпали песком и пеплом [14], которые в свою очередь являются фильтром и антисептиком соответственно, что препятствовало загрязнению грунтовых вод и почвы, о котором древние жители Руси уже отлично знали. Соответственно, согласно определенным взглядам жителей Древней Руси, при захоронении умершего необходимо было избежать соприкосновения трупа непосредственно с землей. Важно, что Мономах характеризует неправильный погребальный обряд, как именно великий грех.

Так же важным в нашем предположении является вопрос отношения Владимира Мономаха к смерти и к тому, что в дальнейшем происходит с душой человека. Смерть великий князь воспринимает в терминологии Е.Л. Конявской «смирненно-фаталистически» [21. С. 69], т.е. предопределенной свыше. Однако у человека все-таки есть возможность свою судьбу изменить, есть право выбора. Во-первых, самому остерегаться опасности, а, во-вторых, возможно заслужить Божью милость — сбережение, ведя праведный образ жизни⁶:

«А если случится от Бога смерть, то ни отец, ни мать, ни братья не могут вас отнять от нее, но если и хорошее дело — остерегаться самому, то Божие сбережение лучше человеческого» [3].

Мономах несколько раз в «Поучении» упоминает тот факт, что Бог сберег его от опасностей и позволил дожить до преклонных лет, что для него является своего рода «одобрением» свыше своей деятельности.

Касательно воззрений автора по поводу загробной жизни, отметим, что согласно языческим верованиям, душа после смерти попадает в загробный мир, поэтому наиважнейшей частью дохристианского обрядового комплекса выступает ритуал правильного осуществления перехода. Вместе с тем обнаруживается еще один важный аспект относительно текста «Поучения»: Владимир Мономах в своих рассуждениях обходит стороной ведущую христианскую идею Воскресения, которой посвящен большой корпус святоотеческой литературы. Да и вообще по большей части игнорирует христологию и триадологию, хотя Христа иногда упоминает и с Новым Заветом явно знаком хорошо.

В данной связи так же характерен совет Владимира Мономаха по поводу совершения молитвы:

«На заутрене воздавши Богу хвалу, потом на восходе солнца и увидев солнце, надо с радостью прославить Бога и сказать: «Просвети очи мои, Христе Боже, давший мне свет твой прекрасный»» [3].

⁶ Подобное отношение к судьбе прочно закрепилось в народной мудрости. Ср.: «На Бога надейся, а сам не плошай».

Великий князь предлагает молиться трижды: на заутрене, восходящему солнцу и увидев его, что не соответствует христианскому канону ни часослова, ни упрощенной системы утренней и вечерней молитвы. Зато молиться солнечному свету при восходящем движении светила по небосводу — характерно для славянского язычества с солярным культом.

А.Ф. Замалеев отмечает также, что автор «Поучения» не различает Бога Отца и Сына Божия, обходя таким образом христологию Евангелий:

«Господь наш не человек, но Бог всей вселенной, — что захочет, во мгновение ока все сотворит, — и все же сам претерпел хулу, и оплевывание, и удары и на смерть отдал себя, владея жизнью и смертью» [3].

Исследователь видит в этом подтверждение наличия на Руси начала XII в. еретических, арианских идейных традиций, унаследованных из Византии [4. С. 130]. Однако можно предположить, и это отмечают такие исследователи, как Н.А. Бердяев, культ Иисуса Христа не прижился на русской почве. Идея Сына Божьего была непонятна русскому человеку, зато образ Бога Отца, совпавший с языческим богом неба и солнца, был близок и почитаем, так же, как и образ Богоматери, наслоившийся на представление о богине Матери сырой земле [22. С. 95—99]. Мономах, таким образом, переносит языческий молитвенный ритуал на христианский, меняя лишь адресата, который также является скорее ветхозаветным Царем Небесным, к которому возможно приблизиться лишь с большим трепетом и страхом. В этом проявляется удивительный феномен древнерусского религиозного синкретизма, объединившего воедино догматы христианской церкви с обрядами, сохранившимися в народной памяти с языческих времен. Именно этот феномен в дальнейшем ляжет в основу формирования русского народного православия.

Долг и принципы практического поведения

Мы рассмотрели этическое мировоззрение автора «Поучения» с точки зрения восприятия им таких фундаментальных понятий этики, как смысл жизни и смерти, добро и зло, добродетель и порок, свобода воли. Обратимся теперь к вопросу долга и принципам практического поведения, которым Владимир Мономах так же уделяет достойное место в своем трактате. Отметим, что вышеуказанные проблемы автор рассматривает как с позиции личностной нравственности, так и с точки зрения политической морали в сфере управления государством. Как мы говорили выше, в произведении Мономаха обнаруживается тесная связь между индивидуально-личностными и государственными интересами.

Фундаментом моральных принципов долга выступает Страх Божий и милостыня, как форма помощи нуждающимся и нестяжательства в смысле идеи освобождения от лишнего богатства. Понятие долга, в понимании Владимира Мономаха, неразрывно связано с трудом. Великий князь несколько раз акцентирует внимание своих потомком на том, что:

«Леность ведь всему мать: что кто умеет, то забудет, а чего не умеет, тому не научится» [3].

Не лениться Мономах советует ни при управлении государством и собственным домом, ни на войне, ни в учении, ни при совершении молитвы, ни в принципе при осуществлении добрых дел.

Советы, касающиеся принципов практического поведения, условно можно разделить на три основных направления, касающихся решения религиозных, государственных и бытовых вопросов.

Относительно религиозных положений Мономах рекомендует остерегаться клятвопреступления, «читать, любить и заботиться» о церковнослужителях, оказывать материальную помощь церкви, молиться при любой удобной возможности. Особенности же специфических рекомендаций по осуществлению молитвы мы рассматривали выше.

Государственные наставления предопределяют внутреннюю политику и поведение князя на войне. Как отмечает О.В. Чистякова, основой государственного руководства становятся три главных принципа: «Во-первых, в управлении населением не применять крайних средств, во-вторых, править народом непосредственно, не отгораживаясь от него тиунами, воеводами и прочими административными лицами, в-третьих, в политике, заботясь о единстве и процветании земли русской, ставить общегосударственный интерес выше вотчинного, местнического» [23. С. 14].

Наиважнейшим долгом правителя Мономах считает поддержку своих поданных, особенно беззащитных групп: инвалидов, сирот и женщин, оставшихся без кормильца.

«Всего же более убогих не забывайте, но, насколько можете, по силам кормите и подавайте сироте и вдовицу оправдывайте сами, а не давайте сильным губить человека» [3].

Общеизвестно, что древнерусский князь — это не только государственный деятель, но и в большей степени полководец. Мономах уделяет своим военным походам отдельную часть — рассказ о своей жизни. Но и в «Поучении» отдельно проговаривает несколько этических моментов. Во-первых, он выступает против княжеского высокомерия в дружинной среде. Он настоятельно рекомендует в походах всем руководить самостоятельно и держаться простоты воинского быта. Во-вторых, он возражает против грабежей и мародерства как на своих землях, так и на завоеванных.

Спектр бытовых принципов поведения, озвученных в «Поучении», также весьма широк: от совета почитать старших, помогать младшим, любить свою жену до рекомендаций в вопросах гостеприимства, этикета, домоуправления и даже сна.

Владимир Мономах в своем «Поучении» создает образ идеального с точки зрения нравственности государя, где-то ставя в пример свою собственную жизнь и государственную деятельность, а где-то лишь намечая

возможные пути «уклонения от зла». Важно, что он создает действительно этический «микротрактат⁷», в котором ставит и в оправленной степени решает многие морально-нравственные проблемы, конечно же, соответственно своему времени.

Владимир Мономах, как мы видим из его жизнеописания, старался превратить свою теорию праведности в жизнь на собственном примере. Подтверждение этого факта мы также находим в послании Владимиру Всеволодовичу митрополита Никифора, византийского ставленника на киевском митрополищем престоле, по-видимому, ближайшего соратника Мономаха с 1113 г. В нем Никифор характеризует Мономаха как «человеколюбивого и кроткого князя», который крайне умерен в еде и питье, раздает свои богатства нуждающимся, всегда в делах и трудах [9]. Послание Никифора «О посте и воздержании» интересно для нас не только с точки зрения описания жизни Мономаха, но и с позиции этических взглядов обоих участников переписки, ведь киевский митрополит дает свое собственное истолкование понятий добра и зла, а также анализирует поведение князя в соответствии со своими взглядами. Принято считать, что основная интенция послания в том, что Никифор уличает князя в неких репрессиях, связанных с внутренними интригами при дворе. С этим сложно поспорить, однако рассмотрим также подтексты его послания. Итак, Никифор рассуждает на тему трехчастной человеческой души в традициях византийской патристики, разделяя ее на такие внутренние силы, как разум, чувства и воля. Далее Никифор определяет двойственность деятельности каждой из душевных частей. Добром от разума, по мнению митрополита, выступает вера в Бога («благоверие»), от чувства — борьба с язычниками ради ревности к Богу и мести к Божьим врагам, от воли — стремление к Богу. Злом же, соответственно, от разума выступает гордыня и язычество («зловерие»), от чувства — злоба и зависть. В соответствии со своей парадигмой понимания добра и зла Никифор характеризует Владимира Мономаха следующим образом: «По жиле разума нашел, что благоверен ты по Божьей благодати и не уклоняешься от правой веры. В отношении чувства не пострадал ты, храня к Богу ревность и до настоящего дня, и, молю Бога, до конца хранить ее будешь в целости. <...> В отношении же воли не сочтется за малое все, что совершил ты в зрелом своем возрасте» [9] (курсив наш. — А.В.). Свобода воли, в соответствии с византийской традицией, дает возможность нравственного выбора между добром и злом. Для Никифора, однако, добро есть «благоверие», христианство; зло же — «зловерие», язычество. Из слов Никифора выходит, что Мономах, как и князь Владимир Святославич, принявший крещение, стал ревностным христианином только в зрелом возрасте, тогда и начал борьбу с язычеством. Каких религиозных воззрений

⁷ Термин В.В. Милькова.

придерживался князь в молодом возрасте, мы можем только догадываться. Однако факт остается фактом, несмотря на праведный даже с точки зрения митрополита образ жизни, Владимир Мономах не был причислен к лику святых.

«Поучение» Владимира Мономаха — уникальное произведение. Интересен тот факт, что поучение как жанр больше характерно для церковной среды, в нашем же случае его пишет не церковнослужитель, а представитель светской власти — князь, и что еще удивительнее — позволяет себе давать советы относительно того, как необходимо проводить те или иные церковные обряды (покаяние, молитва, погребение). Вследствие чего мы можем предположить, что Мономах не признает в должной степени власти церкви, считая себя по статусу явно выше церковных сановников. Это самомнение поддерживается митрополитом Никифором и связано, в первую очередь, с происхождением Мономаха и родственными связями с византийскими императорами [9]. Мономах, еще не являясь царем, уже мнит себя выше посредников между Господом и людьми — священников, ощущая себя помазанником Божиим. Эта идея помазанности и божьего благословения правителя Руси найдет свое воплощение в послемонгольский период во времена правления Ивана Грозного и станет центральной властной идеей правящей династии Романовых в России.

Заключение

Многие исследователи акцентируют свое внимание именно на принадлежности Владимира Мономаха к правящей элите, на его государственных делах и идеях, высказанных в «Поучении». На наш взгляд, недостаточное внимание уделяется индивидуальному началу и тем общечеловеческим вопросам бытия, которые ставит автор в своем произведении. Эту лакуну мы и попытались заполнить, подчеркивая, в первую очередь то, что Владимир Всеволодович обычный человек, полный противоречий, со своими бедами и чаяниями, страхами и надеждами, а главное со своей верой и своим мировоззрением, ведь именно в «личности» сокрыто «самое сложное, возможно редкое, возможно даже непостижимое, но при этом бесконечно важное и совершенно реальное событие в жизни человека и мира» [24. С. 141]. Кроме этого, отметим, что этические воззрения великого князя не укладываются в строгую парадигму христианской средневековой философии и богословия. Владимир Мономах своим «Поучением», полным психологизма и субъективности восприятия явлений бытия, демонстрирует расширение границ христианского мировосприятия за счет особенностей синкретического мышления.

На наш взгляд, именно синкретический характер мировоззрения автора «Поучения» придает его сочинению гуманистическую окрашенность, отраженную в этической направленности к земной, мирской жизни человека. По словам О.В. Чистяковой, «Поучение» Владимира Мономаха выступает «моральной и религиозной концепцией бытия древнерусского человека»

[23. С. 12] с полным спектром волнующих его нравственных проблем. Автор «Поучения» ставит сложный этико-философский вопрос: «Как быть хорошим человеком и хорошим правителем?». И в своих размышлениях отвечает на него, приводя критерии в своем понимании праведной, справедливой и добродетельной жизни, в которой основное место отведено любви и защите Родины, помощи слабым, уважению человеческой личности, физическому и умственному труду, знанию и постоянному учению, но главное — стремлению к добру:

«Добро же творя, не ленитесь ни на что хорошее» [3].

Список литературы

- [1] *Маслин М.А.* Русская философия как единство в многообразии // Тетради по консерватизму. 2016. № 2. С. 9—48.
- [2] *Мильков В.В.* Этико-политическая программа Владимира Мономаха // Философский журнал. 2020. Т. 13. № 4. С. 134—147.
- [3] Поучение Владимира Мономаха / подг. текста О.В. Творогова, пер. и ком. Д.С. Лихачева. Режим доступа: http://lib.pushkinskiydom.ru/default.aspx?tabid=4874#_edn23 (дата обращения: 27.08.2022)
- [4] *Замалеев А.Ф.* Философская мысль средневековой Руси. Ленинград : Издательство «Наука», 1987.
- [5] *Иоанн Златоуст.* Беседы о покаянии // Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского: Т. 2. СПб : С.-Петербург. духов. акад., 1896. Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Zlatoust/o_pokajanii/#0_3 (дата обращения: 15.09.2022)
- [6] *Максим Исповедник.* Беседа о покаянии // Душеполезный собеседник. Вып. 3. М. : Издание Афонского Русского Пантелеймонова монастыря, 1891. С. 73—76.
- [7] *Романов Б.А.* Люди и нравы Древней Руси. М., Л. : Издательство «Наука», 1966.
- [8] *Смирнов И.И.* Очерки социально-политических отношений Руси XII—XIII веков. М., Л. : Издательство Академии наук СССР, 1963.
- [9] *Никифор, митрополит Киевский.* Послание к великому князю Владимиру Мономаху о посте и воздержании. Режим доступа: <https://sedmitza.ru/text/443913.html> (дата обращения: 18.09.2022)
- [10] *Шляков Н.В.* О поучении Владимира Мономаха. СПб. : Типография В.С. Балашева и К°, 1900.
- [11] *Василий Великий.* О подвижничестве // Творения: в 2 т. Т. 2. М. : Сибирская благовозвонница, 2009. Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Vasilij_Velikij/slova-opodvizhnichestve/#0_5 (дата обращения: 10.09.2022)
- [12] *Василий Великий.* Беседы // Творения: в 2 т. Т. 1. М. : Сибирская благовозвонница, 2008. Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Vasilij_Velikij/Besedi/ (дата обращения: 10.09.2022)
- [13] *Рыбаков Б.М.* Язычество древних славян. М. : Акад. проект, 2013.
- [14] *Панова Т.Д.* Царство смерти. Погребальный обряд средневековой Руси XI—XVI веков. М., 2004. Режим доступа: <http://www.rusarch.ru/panova5.htm> (дата обращения: 07.09.2022)
- [15] Палея Толковая. М. : Согласие, 2002.

- [16] *Иоанн Златоуст*. Об утешении при смерти // Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Т. 6, Кн. 2. СПб. : Духовная Академия, 1900. Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Zlatoust/ob_uteshenii/ (дата обращения: 08.09.2022).
- [17] Повесть временных лет / подг. текста, пер. и ком. О.В. Творогова. Режим доступа: <http://lib.pushkinskijdom.ru/?tabid=4869> (дата обращения: 11.09.2022)
- [18] Из истории русских слов. М., СПб. : Нестор-История, 2020.
- [19] Этнография восточных славян. Очерки традиционной культуры. М., 1987.
- [20] *Рыбаков Б.М.* Язычество Древней Руси. М. : Акад. проект, 2021.
- [21] *Конявская Е.Л.* Авторское самосознание древнерусского книжника (XI — середина XV в.). М. : Издательский дом «ЯСК», 2000.
- [22] *Бердяев Н.* О Софиологии. Рецензия на книгу Прот. Сергия Булгакова «Лествица Иаковля. Об ангелах» // Журнал «Путь». 1929. № 16. С. 95—99.
- [23] *Чистякова О.В.* Философские и религиозные образы человека в древнерусской культуре // Художественное образование и наука. 2016. № 3. С. 9—16.
- [24] *Сербиненко В.В.* О присутствии и отсутствии русской метафизики // Вопросы философии. 2017. № 8. С. 131—145.

References

- [1] Maslin MA. Russian philosophy as unity in diversity. *Tetradī po konservatizmu*. 2016;2:9—48. (In Russian).
- [2] Milkov VV. Ethical and political program of Vladimir Monomakh. *Philosophy Journal*. 2020;13(4):134—147. (In Russian).
- [3] *The Teaching of Vladimir Monomakh*. Tvorogov OV, prep. of the text. Likhachev DS, transl. and com. Available from: http://lib.pushkinskijdom.ru/default.aspx?tabid=4874#_edn23 (accessed: 27.08.2022). (In Russian).
- [4] Zamaleev AF. *Philosophical thought of medieval Russia*. Leningrad: Nauka Publishing House; 1987. (In Russian).
- [5] John Chrysostom. *Conversations about repentance*. In: Works of our Holy Father John Chrysostom, Archbishop of Constantinople. Vol. 2. St. Petersburg: St. Petersburg. spirits. akad.; 1896. Available from: https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Zlatoust/o_pokajanii/#0_3 (accessed: 15.09.2022). (In Russian).
- [6] Maxim Confessor. *A conversation about repentance*. In: A soul-helpful interlocutor. № 3. Moscow: Edition of the Athos Russian Panteleimon Monastery; 1891. P. 73—76. (In Russian).
- [7] Romanov BA. *People and customs of Ancient Russia*. Moscow, Leningrad: Nauka Publishing House; 1966. (In Russian).
- [8] Smirnov II. *Essays on socio-political relations of Russia of the XII—XIII centuries*. Moscow, Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences; 1963. (In Russian).
- [9] Nikephoros, Metropolitan of Kiev. *Epistle to Grand Duke Vladimir Monomakh about fasting and abstinence*. Available from: <https://sedmitza.ru/text/443913.html> (accessed: 09.18.2022). (In Russian).
- [10] Shlyakov NV. *On the teachings of Vladimir Monomakh*. Saint Petersburg: Printing house VS Balashev and Co.; 1900. (In Russian).
- [11] Basil the Great. *About asceticism*. In: *Basil the Great. Creations: in 2 volumes*. Vol. 2. Moscow: Siberian blagozvonitsa; 2009. Available from: https://azbyka.ru/otechnik/Vasilij_Velikij/slova-o-podvizhnichestve/#0_5 (accessed: 10.09.2022). (In Russian).

- [12] Basil the Great. *Conversations*. In: *Basil the Great. Creations: in 2 volumes*. Vol. 1. Moscow: Siberian blagozvonitsa; 2008. Available from: https://azbyka.ru/otechnik/Vasilij_Velikij/sobranie-sochinenij/ (accessed: 10.09.2022). (In Russian).
- [13] Rybakov BM. *Paganism of the Ancient Slavs*. Moscow: Akad. Proekt; 2013. (In Russian).
- [14] Panova TD. *The Kingdom of death. The funeral rite of medieval Russia of the XI—XVI centuries*. Moscow; 2004. Available from: <http://www.rusarch.ru/panova5.htm> (accessed: 07.09.2022). (In Russian).
- [15] *Palea Tolkovaya*. Moscow: Soglasie; 2002. (In Russian).
- [16] John Chrysostom. *About consolation at death*. In: *The works of our Holy Father John Chrysostom, Archbishop of Constantinople*. Vol. 6, Book 2. Saint Petersburg: Theological Academy; 1900. Available from: https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Zlatoust/ob_uteshenii (accessed: 08.09.2022). (In Russian).
- [17] *The Tale of bygone years*. Tvorogov OV, text prep., transl. and com. Available from: <http://lib.pushkinskijdom.ru/?tabid=4869> (accessed: 11.09.2022). (In Russian).
- [18] *From the history of Russian words*. Moscow; St. Petersburg: Nestor-History; 2020. (In Russian).
- [19] *Ethnography of the Eastern Slavs. Essays of traditional culture*. Moscow; 1987. (In Russian).
- [20] Rybakov BM. *Paganism of Ancient Russia*. Moscow: Akad. Project; 2021. (In Russian).
- [21] Konyavskaya EL. *The author's self-consciousness of the Old Russian scribe (XI — mid XV century)*. Moscow: Publishing House “YaSK”; 2000. (In Russian).
- [22] Berdyaev N. About Sophiology. Review of the book Prot. Sergius Bulgakov «The Ladder of Jacob. About angels». *Zhurnal “Put”*. 1929;16:95—99. (In Russian).
- [23] Chistyakova OV. Philosophical and religious images of man in ancient Russian culture. *Art education and science*. 2016;3:9—16. (In Russian).
- [24] Serbinenko VV. On the presence and absence of Russian metaphysics. *Voprosy`filosofii*. 2017;8:131—145. (In Russian).

Сведения об авторе:

Волкова Анастасия Алексеевна — кандидат философских наук, научный сотрудник, кафедра истории философии, факультет гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия (e-mail: dead-ligea@mail.ru). ORCID: 0000-0002-3283-4603

About the author:

Volkova Anastasiia A. — PhD in Philosophy, Researcher, Department of History of Philosophy, Faculty of Humanities and Social Sciences, RUDN University, Moscow, Russia (e-mail: dead-ligea@mail.ru). ORCID: 0000-0002-3283-4603